

УДК 738.6

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-1-42-60

Терракотовые статуэтки из юго-западного участка некрополя Китея

Зоя В. Ханутина

*Государственный музей истории религии, Санкт-Петербург,
Россия, zoe_gmir@inbox.ru*

Владимир А. Хршановский

Институт археологии РАН, Москва, Россия, vax48@mail.ru

Аннотация. В статье публикуются терракоты, найденные в ходе археологических раскопок некрополя боспорского города Китей, существовавшего на юго-востоке Керченского полуострова с рубежа VI–V вв. до н. э. до второй четверти VI в. н. э. На юго-западном участке, расположенном в зоне интенсивной береговой абразии, были открыты погребальные памятники IV в. до н. э. и второй половины IV–V в. н. э., сопутствующие им ритуальные комплексы и следы тризн. Среди многочисленных находок – приношений, связанных с обрядами позднеантичного времени, были 14 фрагментированных терракот. Их соотношение – преобладание ранних, эллинистических, над позднеантичными, синхронными последним ритуальным действиям, предпочтение, которое отдавалось женским, а не мужским образам, а также верхним и нижним частям терракот, возможно, неслучайно и ждет объяснения. Интерпретация выявляемых закономерностей зависит от этнокультурной принадлежности обитателей Китея эпохи Великого переселения народов, которая подлежит уточнению.

Ключевые слова: Боспорское царство, Китей, позднеантичное время, некрополь, погребальные и поминальные памятники, ритуальные приношения, терракоты

Для цитирования: Ханутина З.В., Хршановский В.А. Терракотовые статуэтки из юго-западного участка некрополя Китея // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 1. С. 42–60. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-1-42-60

Terracotta figurines from the South-Western section of the Kytaiia necropolis

Zoya V. Khanutina

*State Museum of the History of Religion (Ministry of Culture),
Saint-Petersburg, Russia, zoe_gmir@inbox.ru*

Vladimir A. Khrshanovskii

*Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, vax48@mail.ru*

Abstract. This article is based upon terracotta figurines that have been discovered during the excavations of the necropolis of Kytaiia, one of the smaller Bosphoran towns, which had existed on the South-Eastern littoral of the contemporary Kerch peninsula, from the 6th – to the 5th centuries BC, till c. 525–550 AD. In the South-Western section of the site, located in a zone of intense coastal abrasion, burials of the 4th century BC, and of the extended period 350–500 AD, accompanied with ritual complexes and traces of funeral meals, were discovered. In addition to numerous other finds, of offerings associated with rites customary in Late Antiquity, 14 fragmented terracotta figurines were discovered. Compared to examples from the earlier Hellenistic period these from the late antique, which are contemporaneous with the most recent ritual practices, appear to be of smaller quantity. The preference which was given to female rather than to male images, as well as to upper and lower parts of terracotta figurines, is perhaps not accidental but awaits explanation. Interpretation of the revealed patterns depends upon the ethnic and cultural affiliation of the Kytaiia inhabitants during the Great Migration Period and needs clarification.

Keywords: Bosphoran Kingdom, town of Kytaiia, Late Antiquity, necropolis, burial and commemorative sites, ritual offerings, terracotta figurines

For citation: Khanutina, Z.V. and Khrshanovskii, V.A. (2023), “Terracotta figurines from the South-Western section of the Kytaiia necropolis”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 42–60, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-1-42-60

Археологическим исследованиям боспорского города Китея, расположенного на юго-востоке Керченского полуострова и просуществовавшего с рубежа VI–V вв. до н. э. до второй четверти VI в. н. э., исполнилось 100 лет. Он был открыт (и ошибочно отождествлен с Акрой) Полем Дюбрюксом в 1820 г.¹ Им же в 1826 г. был

¹ *Дюбрюкс П.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 1: Тексты. СПб.: Коло, 2010. С. 315.

составлен первый план Китея, сравнение с которым позволяет понять, какая часть города с тех пор безвозвратно погибла из-за трансгрессии Черного моря и сопутствующей ей береговой абразии [Молев 2010, с. 13]. Каждый год приносит новые невосполнимые утраты расположенным здесь археологическим объектам. Именно этим обусловлена необходимость охранно-спасательных работ, систематически ведущихся здесь с 1970 г.

В первых же археологических экспедициях Ю.Ю. Марти 1927–1928 гг. исследования велись не только на самом городище Китея, но и на прилегающей территории. У подножья кряжа Джург-Оба были открыты и доследованы после грабителей вырубные склепы конца III – первой половины IV вв. н. э.² [Ермолин, Юрочкин 2002, с. 86–87]. Была нанесена на план цепочка курганов, тянущаяся вдоль берега (на расстоянии 1–1,5 км) от кряжа Чатр-Тав к северо-востоку, в сторону Керченского пролива³. К настоящему времени на примыкающей к Китею с востока, севера и запада равнине было открыто и частично исследовано несколько некрополей разного типа (грунтовые, скальные, курганные) с хронологической вилкой от первой половины V в. до н. э. до первой половины V в. н. э. [Хршановский 2018, с. 249–258]. Среди них особое место занимает участок к юго-западу от западной крепостной стены Китея, южная часть которого располагается на высоком (около 28 м) обрывистом берегу, непрерывно разрушающемся абразией.

В последнем десятилетии XX – начале XXI в. на этом участке в ходе доследования грабительских шурфов были открыты три монументальных склепа № 141, 206 и 300 (раскопы, соответственно, XXV, XXXIII, XXXIII-A) (рис. 1), сложенные из блоков и плит известняка, которые по своей архитектуре, строительной культуре и самым ранним остаткам погребального инвентаря (фрагментам импортных амфор, чернолаковых сосудов, медным пантикапейским монетам) могут датироваться второй половиной IV в. до н. э. [Хршановский 2013, с. 182–200]. Наличие в этих раскопах (и в том же слое) более позднего материала (с очень широкой хронологической вилкой от III в. до н. э. до V в. н. э.) отчасти может быть объяснено тем, что такие элитные склепы функционировали достаточно долго и использовались многократно. Однако помимо трех эллинистических склепов здесь были открыты и исследованы более 40 позднеантичных грунтовых и плитовых могил, многочисленные

² Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов) // Некрополи боспорских городов. МИА. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. № 69. С. 223–238.

³ Там же. С. 212. Рис. 81.

Рис. 1. Юго-западный участок некрополя Китея.
План с обозначением раскопов

следы тризн и грунтовой склеп № 344 (раскоп XL). По самому позднему найденному материалу (монеты последних боспорских царей, фрагменты поздних узкогорлых светлоглиняных и красноглиняных амфор) они датируются IV – первой половиной V в. н. э. и связаны с использованием этого участка для погребальных и поминальных действий в позднеантичное время [Хршановский 2016, с. 108–141; Хршановский 2017а, с. 208–213; Хршановский 2017в, с. 158–166].

Все исследованные склепы были ограблены в древности. Стратиграфия слоев нарушена. Лишь в нескольких местах удалось зафиксировать выгороженные ритуальные площадки с зольными пятнами и другими следами совершенных тризн. В грунте заполнения склепов на всех уровнях (как в мешаном переотложенном слое) повсеместно соседствовали артефакты от IV в. до н. э. до конца III–IV вв. н. э. Выявленная «вилка» прослеживалась по всем датированным материалам.

Амфорная керамика была представлена как (в меньшем количестве) фрагментами (в том числе с клеймами) греческого импорта, начиная с IV в. до н. э. (Хиос, Фасос, Гераклея, Синопа), так и (в большем количестве) поздними узкогорлыми светлоглиняными и красноглиняными с ребристым туловом III–V в. н. э. Расписная и кружальная керамика с лаковым покрытием – от обломков краснофигурных расписных, сетчатого лекифа и чернолаковых сосудов до гораздо более многочисленных фрагментов поздних краснолаковых (в том числе «рыбных блюд»). Кружальная посуда

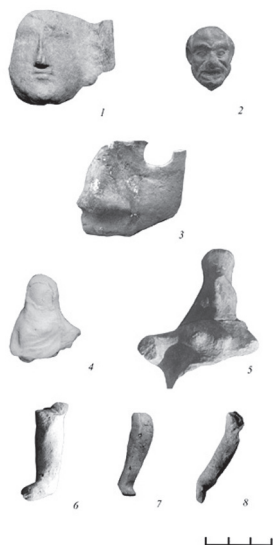

Рис. 2. Фрагменты терракот из раскопов XXV, XXXIII, XXXIII-A, XL:

- 1 – протома Деметры (?), V–IV вв. до н. э.;
- 2 – голова статуэтки старика-актера, IV в. до н. э.;
- 3 – маска, I–III вв. н. э.;
- 4 – женская фигура, закутанная в гиматий, III–I вв. до н. э.;
- 5 – статуэтка сидящей Богини (Кибелы?), II–III вв. н. э.;
- 6–8 – рука и ноги от статуэток «мистов», III в. н. э.

без покрытия была представлена широким спектром обломков светлоглиняной, красноглиняной, сероглиняной и чернолощеной керамики, не поддающейся узкой датировке. Многочисленные обломки лепных сосудов являются скорее этнокультурным, чем хронологическим маркером.

Среди разнообразных вещевых находок, в целом вписывающихся в ту же широкую хронологическую вилку IV в. до н. э. – IV в. н. э. (медные монеты, глиняные светильники, керамические пряслица и грузила, стеклянные и янтарные бусины, обломки стеклянных сосудов, бронзовые фибулы, фрагменты зеркал, железных мечей и ножей, наконечник стрелы, элементы конской упряжи, кольца, костяные проколки), были и части восьми терракотовых статуэток (рис. 2, 1–8).

К самым ранним (IV в. до н. э.) относятся протома женского божества (рис. 2, 1) и голова статуэтки старика-актера (рис. 2, 2).

Первая была найдена на границе между дромосом и малой камерой эллинистического двухкамерного склепа № 300, в скоплении небольших плоских камней, напоминавших грубую кладку, появившуюся при его вторичном использовании. Протома представляет собой изображение округлого полного женского лица, обрамленного прической в виде пластических крупных перевитых прядей. Фрагментированность изделия затрудняет ее атрибуцию. Все же правильность лица, строгость и торжественность его выражения позволяет предположить, что это изображение Деметры. Близкие аналогии в коропластике Боспора датируются достаточно ранним временем – V–IV в. до н. э.⁴

В верхнем слое жертвенной ямы Н-277, расположенной к западу от склепа № 300 и, вероятно, изначально синхронной ему, но вторично использованной для позднеантичных погребений была найдена голова статуэтки старика-актера (рис. 2, 2). Она была отлита из кирпично-красной (боспорской?) глины и по очень близкой аналогии с одной из терракот кургана Большая Близница⁵ датируется IV в. до н. э.

В позднеантичном склепе № 344 (раскоп XL) был найден фрагмент небольшой театральной мужской (?) маски, выполненной из бежевой глины (в некоторых местах сохранились следы белой и коричневой краски) (рис. 2, 3). Незначительный размер фрагмента не позволяет точно атрибутировать маску. Возможно, она изображала героя или персонажа дионисийского круга. Маски такого типа, датируемые I–III вв. н. э., неоднократно встречались в погребениях при раскопках Пантикапея⁶ и Мирмекия⁷.

Изображения театральных масок нередко использовались в Северном Причерноморье для декора деревянных саркофагов. По-видимому, им придавался магический смысл, они выполняли роль апотропеев и могли маркировать переход умершего из

⁴ *Пругло В.И.* Терракоты из Тиритаки // Терракоты Северного Причерноморья. (САИ. Г-1-11.) М.: Наука, 1970. С. 92, табл. 38, 7; *Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки: Придонье и Таманский полуостров. (САИ. Г-1-11.) М.: Наука, 1974. С. 20–21, табл. 15, 5; 23, 1; и др.

⁵ *Грач Н.Л.* Терракотовые статуэтки из кургана Большая Близница // Терракотовые статуэтки: Придонье и Таманский полуостров. (САИ. Г-1-11.) М.: Наука, 1974. С. 38, табл. 43, 4.

⁶ *Силантьева П.Ф.* Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки: Пантикапей. (САИ. Г-1-11.) М.: Наука, 1974. С. 33–34, табл. 41–43.

⁷ *Денисова В.И.* Коропластика Боспора. Л.: Наука, 1981. С. 124, табл. XXVII, б, в.

одного состояния в другое. Еще одной причиной связи масок с погребальным культом была «неразделимая связь театра и, соответственно, всего, что имело к нему отношение, с хтоническим культом Диониса»⁸.

К более раннему времени относится фрагментированная терракотовая статуэтка из грунта заполнения эллинистического склепа № 141 (рис. 2, 4). Она представляет собой фигуру женщины, завернувшейся в гиматий, спадающий с головы на плечи и образующий горизонтальные складки, под которыми лишь угадываются очертания тела. Лицо почти не проработано (возможно, стерто). Нижняя часть статуэтки обломана. Точной аналогии ей обнаружить не удалось, однако по стилю исполнения эта терракота близка фигуркам женщин, закутанных в плащ, найденных в Тире⁹, датируемых III–I вв. до н. э. В связи с тем, что статуэтка найдена на некрополе, она могла относиться к культу Деметры, связанному с хтоническим миром. Известны похожие терракоты конца V – начала IV в. до н. э., изображающие грустящую Деметру в покрывале [Русяева 1982, с. 62, рис. 26, 3, 4].

В юго-западном углу первой камеры двухкамерного эллинистического склепа № 206 среди набросанных камней (возможно, примитивного позднеантичного «жертвенника») была найдена верхняя часть терракоты, изображающей Богиню (Кибелу?) (рис. 2, 5). Статуэтка выполнена весьма грубо и схематично. Голова увенчана высоким калафом, угадываются очертания плаща, спускающегося на плечи из-под головного убора. Лицо почти не проработано, нос выполнен «защипом», руки обломаны, но по сохранившимся фрагментам можно предположить, что они были выставлены вперед и в стороны, выделена грудь. Нижняя часть статуэтки утрачена, задняя сторона заглажена, внутри полость. Судя по аналогиям, терракота, скорее всего, изображает Богиню, сидящую на троне, и датируется II–III вв. н. э. Фигурки подобного типа нередки среди терракот Северного Причерноморья I–III вв. н. э.¹⁰

⁸ *Ходза Е.Н.* Терракоты // *Музы и маски: Каталог выставки.* СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2005. С. 108.

⁹ *Клейман И.Б.* Статуэтки из Тиры // *Терракоты Северного Причерноморья.* (САИ. Г-1-11.) М.: Наука, 1970. С. 26–27, табл. 3, 6–8.

¹⁰ *Кругликова И.Т.* Терракоты из сельских поселений европейской части Боспорского государства // *Терракоты Северного Причерноморья.* (САИ. Г-1-11.) М.: Наука, 1970. С. 107, табл. 48, 7; *Кобылина М.М.* Терракоты из Тасунова // *Терракоты Северного Причерноморья* (САИ. Г-1-11.) М.: Наука, 1970. С. 112, табл. 52, 11; *Силантьева П.Ф.* Терракоты Пантикапея... С. 35, табл. 48, 1.

К тому же (или еще более позднему) времени относятся фрагменты ритуальных терракот из грунта заполнения склепа № 141 (рис. 2, 6–8) – две подвесные ноги и рука от votивных статуэток, изображающих так называемых мистов – последователей культа Великой Богини, существовавшего на Боспоре в I–III вв. Выполнены в довольно грубой манере из красной боспорской глины. Подобные статуэтки, датирующиеся III в., были весьма широко распространены в Пантикапее и окружающих его регионах¹¹ [Сазанов 1985, с. 18–22].

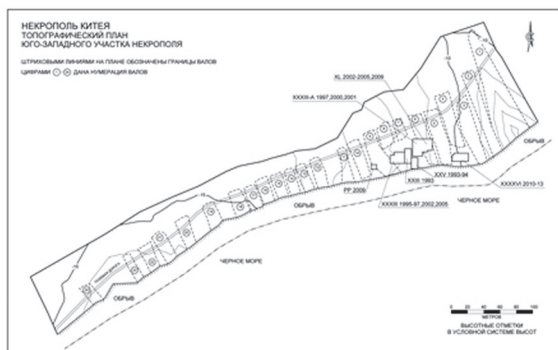
Найденные в раскопах XXV, XXXIII, XXXIII-A и XL фрагменты терракот в целом подтверждают установленную по другим датирующим материалам (монетам, амфорной керамике, расписной, чернолаковой и краснолаковой керамике) хронологическую вилку от эллинизма до позднеримского времени.

Разновременные материалы – и терракоты в том числе – могли оказаться в одном переотложенном слое вследствие того, что, вероятно, уже разрушенные к этому времени эллинистические склепы (№ 141, 206 и 300) с содержавшимся в них погребальным инвентарем были использованы вторично. Но уже не по своему первоначальному назначению – для погребений, а как ритуальные площадки с позднеантичными поминальными тризнами, сопутствующие расположенным поблизости синхронным погребениям в грунтовых и плитовых могилах и склепе № 344. При этом и здесь в некоторых случаях было зафиксировано не случайное смешение слоев в переотложенном слое, а *преднамеренное* использование в погребальном ритуале более раннего «чужого» материала [Хршановский 2017б, с. 74–90].

После завершения исследования раскопа XL в 30 м к юго-востоку от него, также в зоне береговой абразии, в 2010 г. был заложен раскоп, получивший порядковый номер XLVI, а в 2016 г., еще восточнее, в 50–60 м от западной крепостной стены Китея, следующий раскоп – XLVII. Помимо того, что этот участок некрополя сам по себе нуждался в неотложных охранно-спасательных работах, ставилась задача понять происхождение и назначение 24 насыпей-валов, вытянутых в меридиональном направлении (от берегового обрыва в сторону кряжей Джург-Оба и Чатр-Тав) и прослеживающихся на протяжении 600 м к западу от городища (рис. 3а). Раскопы XLVI и XLVII положили начало исследованию валов № 4 и № 1 (рис. 3б).

За 10 лет исследования раскоп XLVI достиг площади более 380 кв. м. В нем были обнаружены четыре грунтовые могилы (№ 382,

¹¹ Кругликова И.Т. О культе верховного женского божества на Боспоре во II–III вв. н. э. // Культура античного мира. М.: Наука, 1966. С. 113–114.

а

б

Рис. 3. Юго-западный участок некрополя Китея:
а) валы: схематический план;
б) раскопы XLVI и LVII. Аэрофотосъемка.
Вид с юга

384, 386, 392), ритуальный комплекс № 380 и больше десяти грунтовых жертвенных ям (№ 377–379, 381, 383, 385, 387–391, 393) [Хршановский 2017а, с. 213–215, рис. 6–9; Хршановский 2020, с. 407–425]. Все открытые объекты были перекрыты насыпью из серо-желтого рассыпчатого суглинка, которая имела форму вала, шириной около 30 м, высотой до 2 м, вытянутого в меридиональном направлении. Южная оконечность вала (вместе с частью высокого обрывистого берега и всем, что на нем находилось) к настоящему времени разрушена интенсивной береговой абразией. Но в северном направлении вал отчетливо прослеживается не менее чем на

80 м. Возможно, такие же насыпи перекрывали и позднеантичный склеп № 344, и эллинистические склепы № 141, 300 и 306.

Две непо потревоженные грунтовые могилы № 382 и 384, перекрытые плитами известняка, как и большинство погребальных комплексов, открытых на этом участке некрополя, имели меридиональную ориентацию и по косвенным признакам датировались второй половиной IV – первой половиной V в. н. э. [Хршановский 2016, с. 122–123, рис. 11–14]. В могилах № 386 и 392 никаких следов погребенных и погребального инвентаря обнаружено не было.

Самым монументальным сооружением, обнаруженным под насыпью в раскопе XLVI, оказался ритуальный комплекс № 380. Он представлял собой подпрямоугольную в плане конструкцию, вытянутую с юга на север (с небольшим отклонением к востоку). Длина ее – 5,2–5,7 м, ширина – 2,8 м. Стены сложены иррегулярной постелистой кладкой в 2–3 слоя из уплощенных разнокалиберных камней. Можно предположить, что почти по всему периметру они сохранились на свою первоначальную высоту – 0,8–1 м. Внутри огражденного пространства, в середине комплекса, находилась круглая в плане яма, диаметром около 1,8 м. Глубина ямы – 1,7 м. На дне ее оказался дисковидный алтарь-жертвенник, вырезанный из известняка. Обнаруженные в гумусном слое, слое серо-желтого суглинка (насыпи) и грунте заполнения комплекса № 380 многочисленные фрагменты амфор, чернолаковой и краснолаковой посуды, расписного лагиноса, кружальных и лепных сосудов широко датируются тем же временем, что и материал из предыдущих раскопов юго-западного участка: IV в. до н. э. – IV в. н. э. Однако на уровне пола (древнего горизонта) преобладал материал поздне-римского времени, представленный преимущественно обломками светлоглиняных и красноглиняных амфор с реберчатым туловом и лепных сосудов.

В отличие от раскопа XL с грунтовым склепом № 344 в насыпи, перекрывающей погребально-поминальные комплексы в раскопах XLVI и на уровне древнего горизонта (вне могил № 382 и 384), кости человека встречались крайне редко и могут быть отнесены к случайным находкам. Зато кости животных – лошади, коровы, свиньи, овцы, козы, собаки, зайца-русака, птиц, дельфина, рыб и клешни краба – здесь также были представлены в изобилии.

Как и в исследованных ранее раскопах этого участка, в раскопе XLVI помимо синхронных следов жертвоприношений животных содержалось большое количество разновременного материала с той же хронологической вилкой: IV в. до н. э. – IV в. н. э. Эллинистический материал IV–II вв. до н. э. был представлен довольно многочисленными фрагментами (в том числе с клеймами) [Пав-

личенко, Хршановский 2020, с. 294–298] импортной амфорной керамики (Хиос, Фасос, Гераклея, Синопа, Родос), обломками расписных и чернолаковых сосудов (на некоторых из них имелись граффито), раннеэллинистической медной пантикапейской монетой. Скорее всего и эти вещи были взяты из расположенных поблизости (разрушенных к этому времени) эллинистических склепов. Однако в отличие от раскопов XXV, XXXIII, XXXIII-A и XL они не могли попасть сюда случайно, в ходе вторичного использования этого пространства для погребально-поминальных ритуалов в позднеантичное время. С учетом расстояния (от 30 до 50 м) между ними и раскопом XLVI и того, что в этом раскопе (на данном этапе) никаких эллинистических комплексов не обнаружено, все ранние вещи должны были быть намеренно принесены или перемещены сюда людьми.

В меньшем количестве в насыпи на уровне древнего горизонта и в жертвенных ямах, впущенных с уровня древнего горизонта в материк, присутствовал и материал I в. до н. э. – II в. н. э.: фрагменты амфор, расписной керамики, краснолаковых сосудов, медная пантикапейская монета третьей четверти I в. до н. э. Среди амфорных клейм этого времени заслуживает упоминания редкое для Северного Причерноморья римское клеймо VISELL[I] [Павличенко 2013, с. 100–107].

Косвенным подтверждением осмысленного и преднамеренного отбора, по крайней мере части вещей из комплексов, является то, что многие фрагменты амфор с клеймами как будто специально сколоты или обломаны. Некоторые клейма находились на окатышах и, по всей вероятности, как многочисленные гальки и створки раковин, были подобраны в море или на берегу, на значительном удалении от места находки. Кроме того, помимо эллинистических вещей здесь, так же как и в предыдущем раскопе, оказались (вряд ли случайно) каменные орудия труда и «отходы» их производства (обломок топора, кремневый нож, кремневые отщепы).

Нижняя хронологическая граница – вторая половина IV в. н. э. – совершившихся здесь в это время погребально-поминальных ритуалов надежно определяется по медным монетам последних боспорских царей, узкогорлым светлоглиняным амфорам типа E (по классификации Д.Б. Шелова) и красноглиняным типа 100 по Зеест или C SNP I («Делакеу»), верхняя – может уходить в V или даже первую половину VI в. н. э.

Позднеантичный материал в этом раскопе преобладал. Наличие в насыпи вала № 4 на уровне древнего горизонта и в жертвенных ямах более ранних «асинхронных» вещей (в том числе фрагмента венчика клазоменской амфоры самого начала V в. до н. э.) может

Рис. 4. Фрагменты терракот из раскопов XLVI и XLVII:
 Раскоп XLVI: 1 – протома Деметры (?), V–IV вв. до н. э.;
 2 – голова статуэтки девушки (Афродиты?),
 III в. до н. э.;
 3 – голова протома Богини (Деметры или Коры?),
 IV–III вв. до н. э.;
 4 – женская фигура, римское время (?).
 Раскоп XLVII: 5 – женская фигура, IV в. до н. э.;
 6 – голова статуэтки Богини (Кибелы?),
 II–III вв. н. э.

свидетельствовать о том, что эти «чужие» вещи были преднамеренно собраны, принесены и вторично использованы в позднеантичных погребально-поминальных обрядах. Среди них встречались и ранние терракотовые статуэтки.

В юго-восточной части XLVI раскопа, на уровне древнего горизонта, возле впущенных с него в материк жертвенных ям, был найден еще один фрагмент протома богини (рис. 4, 1), очень схожий с находкой из склепа № 300 (рис. 2, 1). Округлое женское лицо в фас с правильными классическими чертами выражает спокойствие или печаль. Глина красная, с бежево-розовым оттенком, довольно рыхлая и слоистая, с темными и светлыми включениями, тонкий слой светло-коричневой обмазки. Протома сильно фраг-

ментирована, однако она, скорее всего, может быть атрибутирована как Деметра и датироваться V–IV в. до н. э.¹²

В разных частях XLVI раскопа, в насыпи, перекрывающей погребально-поминальные комплексы, были найдены фрагменты еще двух эллинистических терракот. Первая – женская головка небольшой статуэтки (рис. 4, 2). Правильные черты юного лица исполнены мягко и пластично. Голова слегка поднята и наклонена к правому плечу. На губах легкая улыбка. Волосы валиком окружают лицо. Надо лбом голова обломана, имеются повреждения на лице. Сходство с изображением Афродиты из Пантикапея¹³ позволяет предположить, что найденная головка является фрагментом изображения именно этой богини. Глина кирпично-красная, боспорская, внутри плохо пропеченная, покрыта тонким слоем светло-коричневой обмазки. Возможная датировка терракоты – III в. до н. э.

Второй фрагмент, по всей вероятности, принадлежал протоме богини (Деметры или Коры?) (рис. 4, 3). На голове стефана, волосы валиком обрамляют овальное лицо с правильными чертами, проработанными слабо (возможно, сильно затерты). В ушах круглые серьги. Глина оранжево-красная с белыми включениями, внутри плохо пропеченная. Полной аналогии не выявлено, есть некоторое сходство с протомами Деметры из Горгиппии и головой статуэтки богини на троне из Пантикапея, датировемыми IV–III вв. до н. э.¹⁴

Наряду с ними в мешаном грунте заполнения раскопа (перекрывающей насыпи) был найден и обломок терракотовой прото-мы (правое плечо и часть груди) гораздо более позднего времени (рис. 4, 4). Женская полуфигура была задрапирована – между плечом и грудью видна складка одежды. Глина красная, рыхлая, слоистая, плохо пропеченная, с темными и светлыми включениями. В связи с отсутствием деталей атрибуция терракоты затруднена, но наиболее вероятно ее принадлежность римскому времени.

В 2016 г. на ближайшем к городищу Китея валу № 1 был заложен новый раскоп, получивший порядковый номер XLVII (рис. 3), площадь которого к настоящему времени превысила 180 м². В от-

¹² *Пругло В.И.* Указ. соч. С. 92, табл. 38, 7; *Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Фанагории... С. 20–21, табл. 15, 5; 23, 1 и др.

¹³ *Кобылина М.М.* Мастерские пантикапейских коропластов // Терракотовые статуэтки. Пантикапей. (САИ. Г-1-11.) М.: Наука, 1974. С. 52, табл. 62, 1.

¹⁴ *Кругликова И.Т.* Терракоты из Горгиппии // Терракотовые статуэтки: Придонье и Таманский полуостров. (САИ. Г-1-11.) М.: Наука, 1974. С. 46, табл. 51; *Силантьева П.Ф.* Указ. соч. С. 21, табл. 14, 1.

личие от предыдущих раскопок, здесь пока не было обнаружено ни одного погребального сооружения. Но в ходе раскопок был открыт ритуальный комплекс, состоящий из зольного холма и ямы № 394. После этого все вещевые находки могут рассматриваться как приношения, а костные остатки – как жертвоприношения домашних и диких животных (лошади, коровы, овцы, козы, свиньи, собаки, благородного оленя, кабана, лисицы, барсука, зайца-русака, а также птиц, дельфина, рыб и клешни краба), связанные с совершавшимися здесь обрядами. Палеозоологический материал из XLVII раскопа почти полностью совпадает по составу с костными остатками из предыдущего, расположенного западнее раскопа XLVI [Каспаров, Хршановский 2019, с. 274–275], что свидетельствует о функциональной близости открытых комплексов и подтверждает их ритуальный характер.

За все время исследования было установлено, что насыпь вала № 1, как и вала № 4, насыщена многочисленными (более 10 тысяч) фрагментами преимущественно позднеантичной амфорной, кружалной и лепной керамики, стеклянных сосудов. Неоднократно встречавшиеся в ходе раскопок профильные фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор типа Е по классификации Д.Б. Шелова и красноглиняных типа С SNP I («Делакеу») уводят верхнюю границу функционирования комплекса в V в. н. э. Это подтверждается найденными фрагментами позднееримских краснолаковых блюд со штампованным орнаментом на дне в виде резных линий и бутона лотоса и стеклянных сосудов (стаканов) с синими каплями на стенках, которые датируются второй половиной IV – первой половиной – серединой V в. н. э.

Среди вещевых находок в XLVII раскопе, так же как и в XLVI, были медные монеты, керамические и каменные пряслица и грузила, костяные амулеты (кабаний клык), проколки, иглы для вязания сетей. Для определения нижней границы ритуального комплекса – *terminus postquem* – особое значение имеют несколько медных боспорских монет, найденных возле ямы и в северной половине зольного холма. Небезынтересно, что среди них оказалась и ранняя пантикапейская медная монета 275–245 гг. до н. э. с надчеканкой «звезда». Но явно преобладали монеты последних боспорских царей – Фофорса и Рискупорида VI, датирующиеся первой третью IV в. н. э. К датирующим вещам, возможно, уводящим время функционирования ритуального комплекса во вторую половину V в. н. э., относится фрагментированная пальчатая фибула, которая появляется на Боспоре, вероятнее всего, в последней четверти этого столетия. Таким образом, по имеющимся сегодня преобладающим и встречающимся материалам устанавливаемое

время совершавшихся в раскопе XLVII обрядов – вторая половина IV – вторая половина V в. н. э.

Помимо всего перечисленного выше, в раскопе XLVII были найдены две фрагментированные терракоты. Первая – верхняя часть статуэтки из оранжево-красной плотной глины, изображающей стоящую женщину (рис. 4, 5). Голова ее слегка склонена к правому плечу, волосы обрамляют лицо и собраны на затылке в круглый пучок, в ушах крупные круглые серьги (левая серьга обломана), лицо почти не проработано или стерто. Широкий хитон подпоясан чуть выше талии и спадает вниз прямыми, слегка расходящимися складками. Поверх хитона на правое плечо накинут гиматий, перекинутый через левую руку. Близкая аналогия из собрания ГИМ описана в книге М.М. Кобылиной¹⁵ и датируется IV в. до н. э.

Голова второй (рис. 4, 6), увенчанная высоким калафом с покрывалом, принадлежала статуэтке богини (возможно, восходящей к иконографии Кибелы). Лицо выполнено в технике свободной лепки схематично, черты не проработаны, на месте носа зашип. Глина красная с бежевым оттенком с темными включениями, покрыта светлой обмазкой. Близких аналогий пока не выявлено. Некоторое сходство с очертаниями головы статуэтки богини, сидящей на троне, из Пантикапея, датируемой I–II вв. н. э.¹⁶, определяет скорее ее нижнюю хронологическую границу.

Ранние «асинхронные» вещи встречались в XLVII раскопе гораздо реже, чем в других раскопах юго-западного участка. Однако, помимо найденных здесь фрагментов эллинистических амфор (в том числе с клеймами) [Павличенко, Хршановский 2020, с. 298–299] и ранней (пантикапейской) медной монеты, одна из терракот тоже оказалась эллинистической, что подтверждает замеченную ранее закономерность и представляется неслучайным.

Больше половины (8 из 14) терракот, найденных в раскопах юго-западного участка, относятся к эллинистическому времени и только 6 – к римскому или позднеримскому. Обращает на себя внимание то, что больше половины из всех фрагментов (8) – головы статуэток, среди которых семь (!) женских и одна мужская, одна мужская маска, три – верхние части женского туловища и три ноги. Возможно, за этим кроется предпочтение, которое отдавалось при совершении ритуалов верхним и нижним частям терракот, и угадывается их возможный адресат – женское (Верхнее?) божество.

¹⁵ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 66, таб. VIII, 1.

¹⁶ Силантьева П.Ф. Указ. соч. С. 35, табл. 48, 1.

Такое предположение уже было высказано в статье, посвященной терракотам, найденным на некрополях Илуратского плато I–III вв. н. э. [Ханутина, Хршановский 2019, с. 53]. Возможно, оно допустимо и по отношению к обитателям позднеантичного Китея. Однако для корректной интерпретации выявленных следов ритуальных действий необходимо выяснить, кто может быть носителем открытой этнокультурной традиции эпохи Великого переселения народов. Эта пока не решенная задача – тема отдельного и специального исследования.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Благотворительного фонда содействия охране и исследованию памятников археологии Северного Причерноморья и Приазовья «Артемида» в 2018–2021 гг.

Acknowledgements

The study was supported by the Artemis Charitable Foundation for the Promotion of the Protection and Research of Archeological Monuments of the Northern Black Sea and Sea of Azov Region in 2018–2021.

Литература

- Ермолин, Юрочкин 2002 – Ермолин А.Л., Юрочкин В.Ю. Повторные исследования склепа могильника Джург-Оба на Боспоре // Церковная археология Южной Руси. Симферополь: Крымский филиал ИА НАН Украины, 2002. С. 85–96.
- Каспаров, Хршановский 2019 – Каспаров А.К., Хршановский В.А. Фаунистические остатки из юго-западного участка Китейского некрополя (по итогам раскопок 2010–2018 гг.) // Боспорские чтения XVIII: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья: Основные итоги и перспективы исследований: Материалы международной научной конференции. Симферополь; Керчь: ИП Кифниди Георгий Иванович, 2019. С. 272–283.
- Молев 2010 – Молев Е.А. Боспорский город Китей. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2010. 316 с.
- Павличенко 2013 – Павличенко Н.А. Находка римского клейма в Китее // Фидития: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 108–110.
- Павличенко, Хршановский 2020 – Павличенко Н.А., Хршановский В.А. Керамические клейма из позднеантичного некрополя Китея // Древности Боспора. М.: ООО «Амирит», 2020. Т. 25. С. 289–306.

- Русяева 1982 – *Русяева А.С.* Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI–I вв. до н. э.). Киев: Наукова думка, 1982. 165 с.
- Сазанов 1985 – *Сазанов А.В.* Происхождение одной группы боспорских ритуальных терракот // Краткие сообщения Института археологии (КСИА). 1985. № 182. С. 18–23.
- Ханутина, Хршановский 2019 – *Ханутина З.В., Хршановский В.А.* Терракоты в погребально-поминальной обрядности (по материалам раскопок некрополей Илуратского плато) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 1. С. 46–58.
- Хршановский 2013 – *Хршановский В.А.* Элитные склепы IV–III вв. до н. э. на юго-западном участке некрополя Китея // Культурный слой: Сборник научных статей. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2013. Вып. 2. С. 182–200.
- Хршановский 2016 – *Хршановский В.А.* Грунтовые могилы на юго-западном участке некрополя Китея (по материалам раскопок 1992–2013 гг.) // Культурный слой: Сборник научных статей. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2016. Вып. 4. С. 108–141.
- Хршановский 2017а – *Хршановский В.А.* Между готами и гуннами // Боспорские исследования. Керчь: Керченская городская тип., 2017. Вып. 35. С. 208–228.
- Хршановский 2017б – *Хршановский В.А.* Артефакты «секонд-хэнд» в погребально-поминальных и сакральных комплексах античного Боспора // Новое прошлое. 2017. № 4. С. 74–90.
- Хршановский 2017в – *Хршановский В.А.* Тризны на грунтовых некрополях Боспора (по материалам некрополей Илуратского плато и Китейской равнины) // Таврические студии. Серия: Исторические науки. 2017. № 12. С. 158–166.
- Хршановский 2018 – *Хршановский В.А.* Некрополи Китейской равнины // Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: Материалы Международной научной конференции. Ч. 1. СПб.: Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 249–258.
- Хршановский 2020 – *Хршановский В.А.* Позднеантичные ритуальные ямы на юго-западном участке некрополя Китея // Древности Боспора. М.: ООО «Амирит», 2020. Т. 25. С. 407–425.

References

- Ermolin, A.L. and Yurochkin, V.J. (2002), “Repeated studies of the crypt of the Dzurg-Oba burial ground in the Bosphorus” in *Tserkovnaya arkhologiya Yuzhnoi Rusi* [Church archeology of South Rus’], Krymskii filial IA NAN Ukrainy, Simferopol’, Ukraine, pp. 85–96.
- Kasparov, A.K. and Khrshanovskii, V.A. (2019), “Faunal remains from the southwestern section of the Kytaia necropolis (based on the results of excavations in 2010–2018)]]

- in *Bosporskie chteniya XVIII: Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i Srednevekov'ya: Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniy: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [18th Bosporan readings: Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Trade: Routes – Goods – Relations, Proceedings of the International Scientific conference], IP Kifnidi Georgii Ivanovich, Simferopol', Kerch', Russia, pp. 272–283.
- Khanutina, Z.V. and Khrshansovskii, V.A. (2019), “Terracotta in funeral and memorial rituals (based on materials from the excavations of the necropolises of the Ilurat plateau)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 46–58.
- Khrshansovskii, V.A. (2013), “Elite crypts of the 4th – 3rd centuries BC in the South-Western section of the necropolis of Kytaia” in *Kul'turnyi sloi: Sbornik nauchnykh statei, vyp. 2* [Cultural layer: collection of scientific articles, vol. 2], Izdatel'stvo Nizhegorodskogo universiteta, Nizhnii Novgorod, Russia, pp. 182–200.
- Khrshansovskii, V.A. (2016), “Ground graves in the South-Western section of the Kytaia necropolis (based on materials from 1992–2013 excavations)”, in *Kul'turnyi sloi. Sbornik nauchnykh statei, vyp. 4* [Cultural layer: collection of scientific articles, vol. 4], Izdatel'stvo Nizhegorodskogo universiteta, Nizhnii Novgorod, Russia, pp. 108–141.
- Khrshansovskii, V.A. (2017), “Between Goths and Huns”, in *Bosporskie issledovaniya, vyp. 35* [Bosporos studies, vol. 35], Kerchenskaya gorodskaya tipografiya, Kerch', Russia, pp. 208–228.
- Khrshansovskii, V.A. (2017), “‘Second-hand’ artifacts in the funeral, memorial and sacral complexes of the ancient Bosporus”, *Novoe Proshloe/The New Past*, no. 4, pp. 74–90.
- Khrshansovskii, V.A. (2017), “Trizny on the ground necropolises of the Bosporus (based on materials from the necropolises of the Ilurat plateau and the Kytaia plain)”, *Tavricheskie studii. Seriya: Istoricheskie nauki*, no. 12, pp. 158–166.
- Khrshansovskii, V.A. (2018), “Necropolises of the Kytaia plain” in *Bosporskii fenomen: obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, chast' 1* [The Bosporan phenomenon: general and peculiar features of historical and cultural space in the world of classical Antiquity. Proceedings of the International Conference, part 1], Publishing and Printing Center of Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint Petersburg, Russia, pp. 249–258.
- Khrshansovskii, V.A. (2020), “Late Antique ritual pits in the southwestern section of the Kytaia necropolis”, in *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus], vol. 25, ООО “Amirit”, Moscow, Russia, pp. 407–425.
- Molev, E.A. (2010), *Bosporskii gorod Kitezh* [Bosporan city of Kytaia], ADEF-Ukraine, Simferopol', Kerch', Ukraine.
- Pavlichenko, N.A. (2013), “Finding a Roman hallmark in Kytaia” in *Fiditiya. Pamyati Yuriya Viktorovicha Andreeva* [Συνομιτα. In memory of Yuri Viktorovich Andreev], Dmitrii Bulanin, Saint Petersburg, Russia, pp. 108–110.
- Pavlichenko, N.A. and Khrshansovskii, V.A. (2020), “Ceramic hallmarks from the late

Antique necropolis of Kytaiia] in *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus], vol. 25, ООО “Amirit”, Moscow, Russia, pp. 289–306.

Rusyaeva, A.S. (1982), *Antichnye terrakoty Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (VI–I vv. do n. e.)* [Antique terracotta of the North-Western Black Sea region (6–1 centuries, BC)], Naukova dumka, Kiev, Ukraine.

Sazanov, A.V. (1985), “The origin of one group of Bosporan ritual terracotta”, *KSlA (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*, no. 182, pp. 18–23.

Информация об авторах

Зоя В. Ханутина, Государственный музей истории религии Министерства культуры, Санкт-Петербург, Россия; 190000, Россия, Санкт-Петербург, Почтамтская ул., д. 14; zoe_gmir@inbox.ru

Владимир А. Хршановский, кандидат философских наук, Институт археологии РАН; 117036, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19; vax48@mail.ru

Information about the authors

Zoya V. Khanutina, State Museum of the History of Religion (Ministry of Culture), Saint-Petersburg, Russia; bld. 14, Pochtamtskaya St., Saint Petersburg, Russia, 190000; zoe_gmir@inbox.ru

Vladimir A. Khrshanovskii, Cand. of Sci. (Philosophy), Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 19, Dm. Uljanova St., 117036, Moscow, Russia; vax48@mail.ru